

А.А. Липгарт (Москва, Россия)

**Исторический контекст
жизни и творчества Уильяма Шекспира (часть вторая)¹.
Правление королевы Елизаветы I**

Аннотация: Статья посвящена описанию внутренней и внешней политики елизаветинской Англии и развенчанию популярных мифов, связанных с этой эпохой. Особое внимание уделяется религиозным преследованиям, обсуждаются малоизвестные факты биографии Уильяма Шекспира, свидетельствующие о его связях с католическим подпольем, – тема, являющаяся предметом жарких дискуссий в современном шекспироведении.

Ключевые слова: елизаветинская Англия, католичество, протестантство, шекспироведение, Уильям Шекспир, «Венецианский купец», дом в Блэкфрайарс

Andrey Lipgart (Moscow, Russia)

**Concerning the Historical Context
of William Shakespeare's Life and Works (Part Two).
The Reign of Queen Elizabeth I**

Abstract: The article is devoted to describing Elizabethan England (its home and foreign policy) and to discarding popular myths concerning this epoch. Special attention is given to religious persecutions and to discussing little-known facts of William Shakespeare's biography testifying to his connections with the Catholic underground – the subject of heated debates in modern Shakespeareology.

Key words: Elizabethan England, Catholicism, Protestantism, Shakespeareology, William Shakespeare, “The Merchant of Venice”, gatehouse in Blackfriars

**СОХРАНЕНИЕ СОБСТВЕННОЙ ЖИЗНИ И ПРЕБЫВАНИЕ НА ТРОНЕ
В ТЕЧЕНИЕ 44 ЛЕТ КАК ОСНОВНЫЕ ДОСТИЖЕНИЯ
КОРОЛЕВЫ ЕЛИЗАВЕТЫ I**

По справедливому замечанию американского историка Джералда Дж. Мейера, главным достижением правления королевы Елизаветы I было ее личное выживание и пребывание на престоле в течение 44 лет [1: 436] (в доелизаветинской исто-

¹ Часть первая опубликована в: Stephanos. 2017. № 6(26). С. 130–140.

рии английский престол дольше занимали только король Генрих III в XIII в. и король Эдуард III в XIV в.). Инстинкт самосохранения, свойственный большинству людей, у многих политических деятелей сочетается с идеями, выходящими за рамки элементарного желания проснуться завтра в том же статусе, в котором они отошли ко сну сегодня. Так, старшая сестра Елизаветы Мария Тюдор (1516–1558) за 5 лет своего правления вернула католичество в Англию, начала политику социальной стабилизации и с полной серьезностью воспринимала заботу о благе подданных как основную задачу монарха, не боясь поставить под удар свою репутацию непопулярным браком с Филиппом Испанским и принятием жестких мер, направленных на восстановление религиозной целостности страны. Елизавета мыслила иначе и всеми силами стремилась избежать принятия кардинальных решений, которые могли бы угрожать ее личной безопасности. Достигнутое к концу ее правления подобие баланса в религиозной сфере и отсутствие гражданских войн не были результатом глубоко продуманной стратегии – они были следствием грамотных тактических мер, отдалявших возникновение конфликтов, но не решавших глубинных проблем, и за личный покой своей государыни англичане платили высокую цену как при ее жизни, так и спустя десятилетия после ее смерти.

ПОКУШЕНИЯ НА ЖИЗНЬ ЕВРОПЕЙСКИХ МОНАРХОВ И ПОПЫТКИ ЕЛИЗАВЕТЫ СНЯТЬ С СЕБЯ ВИНУ ЗА КАЗНЬ МАРИИ СТЮАРТ

Разумеется, у Елизаветы были основания опасаться за свою жизнь. Третье десятилетие ее правления было ознаменовано чередой царубийств: гибель Вильгельма I Оранского (1533–1584) [2], казнь Марии Стюарт (1542–1587) и убийство Генриха III Французского (1551–1589) [3] свидетельствовали о том, что статус монарха отнюдь не является гарантией личного выживания. Задолго до этих событий Елизавета поставила себя под удар арестом Марии Стюарт в 1568 г., который вполне обоснованно привел к отлучению английской королевы от церкви Святым Престолом в 1570 г. Понимая, что казнь Марии может вызвать жесткую реакцию со стороны католической Европы, в 1586–1587 гг. Елизавета предприняла титанические усилия, чтобы замести следы и переложить ответственность за казнь Марии на кого-нибудь – на кого угодно [4: 413–433]. Последний из тюремщиков Марии предпочел не понять намек королевы Елизаветы на то, насколько было бы лучше, если бы Мария умерла просто так, не восходя на эшафот. Не договорившись о тихом устранении Марии, Елизавета продолжала ломать голову над тем, как бы ей обмануть Бога и людей и убедить их в своей непричастности к казни шотландской королевы. Решение, хотя и не оптимальное, наконец пришло: подписав приказ о казни Марии, Елизавета отказывалась налагать на него печать, на всю процедуру ушло несколько месяцев, и когда печать была наконец поставлена, один из министров Елизаветы, Уильям Дэвисон, отправил приказ в замок Фотерингей, где содержалась Мария. На следующий день после получения приказа приговор был приведен в исполнение. При английском дворе был объявлен траур, Елизавета написала оправдательные письма тем из своих венценосных коллег, чье мнение казалось ей важным, уверяя их, что приказа о казни она не отдавала и что вся вина за смерть Марии лежит на несчастном Дэвисоне. Для пушей убедительности тот был лишен всех должностей и несколько лет находился в Тауэре. Однако вся схема была сработана настолько топорно, что она никого из значимых лиц не убедила.

Потерпев провал в попытке скрыть свою причастность к царевубийству, Елизавета несколько не продвинулась в понимании того, как ей самой избежать гибели в результате заговора. Полицейские меры казались единственным возможным выбором, хотя снижение социальной напряженности и укрепление собственной репутации в стране и за рубежом также довольно эффективные способы уменьшить число желающих физически устранить монарха.

ЗАГОВОРЫ ПРОТИВ ЕЛИЗАВЕТЫ И СПЕЦИФИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ АНГЛИЙСКИХ СПЕЦСЛУЖБ

Периодически возникавшие заговоры, в основном контролировавшиеся и нередко инспирированные английскими спецслужбами ради доказательства собственной значимости и увеличения финансирования [5], также не добавляли уверенности в завтрашнем дне. Заговор Ридольфи [6: 68–73] в пользу Марии Стюарт был откровенной буффонадой, но его раскрытие принесло протестантской элите приятный бонус в виде возможности казнить последнего из имевшихся на тот момент в Англии герцогов, и потому Томас Говард, 4-й герцог Норфолкский, помышлявший о бракосочетании с Марией Стюарт и о наследовании английского престола, в 1572 г. отправился на эшафот. Нет нужды специально обсуждать тот факт, что его имущество, земли и деньги отошли казне, чтобы затем поправить финансовое положение не только королевы, но и клана Сесилов и прочих представителей правящей верхушки. К счастью для Марии Стюарт, никаких связей с заговорщиками применительно к ней доказать не удалось, и она проживет еще 15 лет до того, как сама положит голову на плаху.

Заговор Сомервилля в 1583 г. был не менее странным [7: 105–122]. Осенью этого года католик Джон Сомервилль (1560–1583), зять убежденного католика Эдварда Ардена (1542–1583) из Уорикшира и близкий родственник Уильяма Шекспира – из клана Арденов происходила мать Шекспира Мэри (ок.1537–1608), отправился из своего дома, находившегося в шести милях от Стратфорда, в Лондон. При нем был пистолет, из которого Сомервилль собирался застрелить королеву. На пути в Лондон он рассказал о своих планах каким-то незнакомцам, которые немедленно донесли на него. Сомервилль был арестован, отправлен в Лондон, на допросе выдал своего тестя и священника-исповедника, якобы уверявших его, что убийство нераскаянной протестантки Елизаветы – это благое дело. Эдвард Арден и священник Холл в свою очередь были арестованы, Эдвард Арден был казнен, Сомервилль лишил себя жизни в ночь перед казнью, а священник то ли сгинул в застенках, то ли стал правительственным информатором (здесь мнения историков расходятся). При допросах и Эдвард Арден, и члены его семьи всячески пытались подчеркнуть психическую нестабильность своего родственника и настаивали на том, что он действовал в одиночку. Однако, по всей видимости, это была попытка со стороны католиков прекратить опасное для них расследование: на самом деле Сомервилль был завербован французскими Гизами, которые считали своей святой обязанностью освободить приходившуюся им двоюродной сестрой Марию Стюарт из заточения, где она провела уже 15 лет безо всяких на то юридических оснований, и готовы были пойти для этого на крайние меры. Однако об этих планах стало известно испанцам, не желавшим воцарения Марии, и они открыли схему заговора английским спецслужбам. Смерть Сомервилля в тюрьме перед казнью, скорее всего, также дело рук заговорщиков, которые опасались, что перед казнью тот откроет еще какие-нибудь подробности, ранее не

известные англичанам. Елизавета оценила рвение своей тайной полиции и отдала приказ провести тщательное расследования обстоятельств дела, включая обыски в имении Арденов Парк Холл и в домах родственников и знакомых Сомервилля в окрестностях Стратфорда-на-Эвоне, родного города Шекспира. На 19-летнего Уильяма данная ситуация, надо думать, произвела глубокое впечатление.

Заговор Фрэнсиса Трокморта (1554–1584), также организованный в 1583 г. под патронажем Гизов и Испании, был известен главе английских спецслужб Фрэнсису Уолсингему (1532–1590) за полгода до его реализации [8: 123–139], но Уолсингем не спешил с арестами, предоставив заговорщикам войти в контакт с максимальным количеством участников, которые впоследствии были арестованы. Казни, обыски, тюремные заключения, конфискация имущества заговорщиков, устроение условий содержания Марии Стюарт и благодарность перепуганной Елизаветы своим спецслужбам были основным результатом плохо продуманного заговора. В 1586 г. аналогично организованный заговор Энтони Бабингтона (1561–1586) даст еще более впечатляющий результат: казнь Марии Стюарт 8 февраля 1587 г.

В этом контексте следует упомянуть мутный по содержанию заговор Ричарда Хескета [9: 264], предложившего в 1593 г. от имени католических заговорщиков английскую корону Уильяму Стэнли, графу Дерби, праправнуку Генриха VII. Граф Дерби выдал Хескета властям, не без оснований полагая, что весь сюжет ради дискредитации родовой аристократии могли породить Сесилы, а вовсе не католики. Донос не помог графу, и, не прожив и года в графском достоинстве, он умер при странных обстоятельствах.

Заговор Родриго Лопеса (1517–1595) – еще одна иллюстрация того, насколько опасен мир спецслужб бывает даже для членов этих самых спецслужб [10]. Португальский еврей, личный врач королевы Елизаветы, доктор Лопес еще при жизни Фрэнсиса Уолсингема, оказался по инициативе последнего вовлечен в опасную двойную игру с представителями аналогичных испанских и португальских организаций ради выяснения их тайных намерений в отношении Елизаветы. Уолсингем умер в 1590 г., и когда в 1594 г. Лопеса обвинили в намерении отравить королеву, его куратор уже не мог прийти ему на помощь. За дело энергично взялся граф Эссекс, стремившийся доказать Елизавете свою значимость для ее личного выживания, и под пытками Лопес сознался во всех мыслимых грехах. Перед казнью он пытался отказаться от своих показаний, но от смерти его это не спасло. Вместо благодарности Елизавета выразила Эссексу свое глубоко скептическое отношение к качеству обвинений и даже проявила сочувствие к вдове своего предполагаемого убийцы, оказав ей финансовую помощь, – акция, на которую английская королева шла лишь в исключительных случаях.

ЗАГОВОР ЭССЕКСА И ШЕКСПИРОВСКАЯ ТРУППА

Деятели культуры не могли не отреагировать на такой сногшибательный сюжет, и потому лондонские театры в 1594 г. возобновили постановку «Мальтийского еврея» Кристофера Марло – еще одного представителя спецслужб, который слишком много знал и устранение которого в какой-то момент показалось единственным разумным шагом для его собственных кураторов Сесилов во избежание скандала с Эссексом; 30 мая 1593 г. Марло был убит своими поделчиками в таверне портового городка Дептфорда [11: 321–360]. «Венецианский купец» Шекспира также является откликом на описанную ситуацию, но вместо созданной Марло безобразной клоунады Шекспир в лице Шейлока создает намного более

сложный образ, который к 4 акту приходится радикально снижать, потому что иначе Шейлок бы превратился в центральную и весьма притягательную фигуру, доминирующую в тексте пьесы.

Наиболее зрелищным и активно представленным в нынешней попкультуре заговором против Елизаветы было восстание Эссекса [12: 165–191]. Роберт Девере, 2-й граф Эссекс (1565–1601), пасынок любимца Елизаветы Роберта Дадли (1533–1588), сразу же после смерти отчима занял его место фаворита при женщине 55 лет, будучи моложе ее на 32 года. Претензии Эссекса на лидирующую роль в правительстве Елизаветы натолкнулись на устойчивое противодействие со стороны фракции Сесилов и на нежелание самой королевы давать волю своевольному молодому аристократу. После ряда военных удач и поражений, после унижений при дворе, связанных с невозможностью обеспечить карьерный рост ни себе, ни своим сторонникам, после финансовой катастрофы, связанной с утратой лицензии на сбор налогов на импорт сладких вин в страну, в 1601 г. Эссекс решился на восстание. Как обычно, противоположная фракция знала о планах Эссекса задолго до их реализации, но предпочла дать ему шанс проявить себя в полной мере, напугать королеву, организовать расследование и суд, единственным логичным исходом которого будет смертный приговор. Особую убедительность обвинениям в адрес Эссекса придал тот факт, что буквально за несколько дней до восстания сторонники молодого графа обратились к шекспировской труппе с просьбой сыграть накануне восстания пьесу Шекспира «Ричард II», где среди прочего присутствует сцена низложения неспособного к управлению страной короля Ричарда его более талантливым двоюродным братом, будущим королем Генрихом IV. Выход на шекспировскую труппу найти было не сложно: в конце концов, на тот момент они считались труппой Лорда Камергера Хандсона (1547–1603), одновременно двоюродного племянника королевы и двоюродного дяди самого Эссекса; кроме того, ближайшим другом Эссекса был граф Саутгемптон, наиболее вероятный адресат шекспировских сонетов и очевидный адресат двух шекспировских поэм, которые предваряются обращенными непосредственно к нему посвящениями. Даже если актеры и почувствовали неладное, отказаться они не посмели.

Расчеты на то, что после просмотра пьесы тысячи лондонцев выйдут на улицы в поддержку Эссекса, не оправдались, восставшие насчитывали несколько сотен человек и были смяты правительственными войсками. Сам Эссекс был арестован и предан суду, а королева тем временем делилась с близкими простой мыслью: «Значит, я Ричард II. А он Генрих IV. Как любопытно!» Эссекс был казнен 25 февраля 1601 г. Саутгемптон и другие сторонники Эссекса отделались штрафами, тюремным заключением или домашним арестом; Саутгемптон будет освобожден из тюрьмы только по волеизъявлению на престол короля Якова. Актеров шекспировской труппы вызывали на допрос, но ни они, ни автор не были наказаны. Фракция Сесилов сумела устранить последний противовес при дворе, и в последние два года жизни Елизаветы правила Англией фактически единолично.

Трудно поверить, что Елизавета абсолютно доверяла своим спецслужбам. Однако в наиболее ярких случаях она понимала пропагандистскую ценность показательных казней (даже если они роняли ее престиж в глазах значительной части населения Англии) или же в силу грамотной режиссуры заговоров и их расследований просто не могла противиться вынесению и исполнению этих приговоров. В этой нервной обстановке с самого начала своего правления и до конца английская королева была готова двигаться по внутренне понятному и близкому ей, а

вовсе не навязанному ей исключительно спецслужбами пути провокаций, подавления инакомыслия и устранения конкурентов, сделав это основным содержанием своей жизни и государственной политики и последовательно воздерживаясь от решения социальных, экономических и династических проблем.

ДЕЛА СЕМЕЙНЫЕ, ДЕЛА ГОСУДАРСТВЕННЫЕ

В династической политике Елизавета могла опираться на богатый опыт Генриха VIII, что она и делала, несколько снизив градус напряженности, но при этом привнеся собственные новаторские идеи. Казнь возможных претендентов на престол по обвинению в государственной измене была, по мнению Генриха, наиболее эффективным способом поддержания дисциплины в собственной семье и стране, и он широко практиковал этот подход в течение всего своего правления, начиная со смертного приговора графу Суффолку, потомку Плантагенетов, в 1513 г. и заканчивая в 1541 г. казнью графини Солсбери, 67-летней двоюродной сестры покойной матери Генриха [13]. Конфискация земель графини и ее детей в пользу короны позволили Генриху укрепить свои позиции на юге Англии на случай иностранного вторжения, однако военные и экономические соображения здесь были явно вторичны по отношению к династическим опасениям короля. Графиня Солсбери была родной племянницей Эдуарда IV и Ричарда III из династии Йорков, ее брат был казнен еще в царствование Генриха VII, а один из сыновей – в 1538 г. Единственным обвинением против нее была переписка с другим из ее сыновей, кардиналом римско-католической церкви Реджинальдом Поулом, но для Генриха VIII этого оказалось достаточно. Поэтому престарелая графиня, несмотря на ее многолетнюю верную службу Тюдорам (она была фрейлиной Екатерины Арагонской и какое-то время воспитательницей старшей дочери Генриха), была казнена, по описанию некоторых очевидцев, самым зверским образом: непрофессиональный палач, не сумевший обезглавить свою жертву одним ударом, превратил ее шею и плечи в месиво [14: 419]. Достойная жизнь и мученическая смерть графини дала основание папе Льву XIII в 1886 г. причислить ее к лику блаженных.

Елизавета заменила казнь родственников на тюремное заключение (наиболее показательные примеры – двоюродная сестра Елизаветы леди Маргарет Дуглас (1515–1578) [15] и двоюродная племянница Елизаветы Кэтрин Грей (1540–1568) [16: 193–246]). Тюремное заключение она выбирала не столько из милосердия, сколько из-за того, что стараниями ее деятельного родителя семейное древо основательно поредело, и она не могла рассчитывать на понимание подданных, возмись она уничтожить последних представителей королевской династии. Трагическим исключением в этом плане стали Мария Стюарт, казненная по официальному приговору в 1587 г., и жертва заказанного правительством убийства Фердинандо Стэнли, 5-й граф Дерби (1559–1594), прямой потомок Генриха VII и покровитель театральной труппы, где ставились ранние произведения Шекспира [9: 225–226].

Отказ от более тщательного уничтожения своих родственников Елизавета восполнила оригинальным решением не выходить замуж, не рожать детей и не называть имя наследника престола вплоть до последнего дня своей жизни. В качестве одной из причин отказа от замужества называют стремление Елизаветы сохранить верность Роберту Дадли, графу Лейстеру, которого она любила всю жизнь, но который не мог стать ее мужем из-за своего сравнительно низкого происхождения и из-за странности обстоятельств, сопровождавших смерть его первой жены [17: 99–124]. Эта теория имеет право на существование, хотя в 1564 г. Елизавета не-

ожиданно предложит Дадли в качестве мужа Марии Стюарт – странный шаг для безумно влюбленной женщины; правда, если учесть патологическую склонность Елизаветы к разного рода провокациям, это можно воспринимать лишь как тактический ход, ничего не говорящий об истинных намерениях английской королевы.

Однако помимо эмоциональных барьеров Елизавету могли удерживать от вступления в брак и другие соображения. Две из шести жен ее отца были казнены по его приказу, две умерли вскоре после первых родов – подобная статистика не вдохновляла. Кроме того, общеевропейской известностью пользовалась печальная история королевы Хуаны (1479–555), наследницы двух испанских корон, родной сестры Екатерины Арагонской, матери императора Карла V и бабки Филиппа Испанского, которая была объявлена безумной последовательно своим мужем, отцом и сыном и провела почти 50 лет жизни в условиях, близких к тюремным [18: 170]. Слухи о психической нестабильности Хуаны и описания ее разнообразных причуд входили в противоречие с вполне здравыми рассуждениями о желании окружавших ее мужчин распорядиться унаследованными ею землями [19: 202–206]. В этом контексте стремление Елизаветы избежать уз брака и поставить свои личные интересы выше общественных представляется логичным. В какой-то момент английская политическая элита оставила надежду на продолжение рода Тюдоров и озаботилась вопросом престолонаследия в условиях бездетности царствующей монархини. Однако Елизавета и здесь сумела проигнорировать очевидную политическую необходимость и поставила страну на грань острейшего политического кризиса, когда на английский престол помимо потомков младшей сестры Генриха VIII Марии одновременно претендовали испанская инфанта Изабелла, Иаков VI Шотландский и его эксцентричная кузина леди Арабелла Стюарт. Усилиями де-факто премьер-министра Роберта Сесила передача власти Иакову после смерти Елизаветы прошла мирно, хотя последняя сделала все для того, чтобы ее страна оказалась под угрозой одновременно иностранного нашествия и гражданской войны.

ЗАГОВОР БЭБИНГТОНА КАК ШЕДЕВР ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫХ ПРОВОКАЦИЙ

Если отказ Елизаветы от замужества и от решения вопроса о престолонаследии в конечном итоге повлиял на судьбы ограниченного числа людей, ее военные авантюры и социальная и религиозная политика затронули все население страны. Внешнюю и внутреннюю политику страны наряду с самой королевой в течение нескольких десятилетий определяли Уильям Сесил (1520–1598) и уже упомянутый выше Роберт Дадли, соперничество между которыми позволяло Елизавете сохранять баланс между разными фракциями при дворе и оставаться в роли верховного арбитра по основным вопросам государственного управления. Точно так же она умело лавировала между католиками и пуританами, поддерживая их ненависть друг к другу. Однако протестантская партия власти периодически спланировалась в своих интересах, стремясь полностью устранить католиков и пуритан из общественной жизни и получить полный контроль над королевой.

Частным трагическим эпизодом этой борьбы между «своими» был так называемый заговор Энтони Бэбингтона в пользу Марии Стюарт в 1586 г. [20: 73–96]. Шеф елизаветинской спецслужбы Франсис Уолсингем, преданный сотрудник Уильяма Сесила, знал о планах довольно инфантильного и пугливого заговорщика с момента возникновения этих планов и перлюстрировал их переписку с Марией, но выжидал

того момента, когда Мария напишет одну неосторожную фразу, которая станет для нее фатальной. Ожидания увенчались успехом: в одном из писем Мария выразила надежду на кончину Елизаветы и обещала поддержку заговорщикам, если английская королева падет от их рук, а Мария будет освобождена и получит английский престол. Получив расшифрованный вариант письма Марии от своего криптографа, Уолсингем торжествовал. Порожденный им и Сесилом-старшим в 1584 г. глубоко неформальный документ, «Bond of Association», не прошедший через парламент, но официально одобренный Елизаветой (что существенно повышало юридическую значимость текста), гласил, что лица, злоумышлявшие против королевы или знавшие о планах совершения злодеяний, но не поставившие об этом в известность власти, подлежали смертной казни за государственную измену.

Бэбингтона и его товарищей казнили быстро. С Марией Стюарт усилий пришлось затратить больше, но оно того стоило: доказательства вины Марии были представлены, и, не согласись Елизавета на казнь, которая была логическим следствием действующего законодательства, она выказала бы неуважение к людям, якобы радевшим о ее безопасности. Ситуация была патовая. Елизавета, как могла, оттягивала принятие решения, но в конечном итоге была вынуждена одобрить приговор в отношении Марии. В результате казни Марии протестантская партия многое выиграла, а Елизавета многое проиграла. Английские католики – единоверцы Марии Стюарт – получили убедительное доказательство враждебности к ним режима (если они еще нуждались в таких доказательствах) и имели все основания проявлять непокорность, что было на руку лицам, управлявшим репрессивной машиной. Доверять католикам, по мнению Елизаветы, теперь было особенно опасно. Потеряв козырь в виде здравствующей Марии Стюарт, Елизавета утратила возможность шантажировать протестантскую верхушку угрозой католического наследования. Таким образом, протестанты обрели еще больший вес при дворе и в Тайном совете, а Елизавета лишилась ряда аргументов, необходимых ей для обеспечения личного выживания («католики – мои верные подданные, если будет нужно, смогу опираться на них»; «Мария Стюарт – прекрасная будущая королева, посмотрим, что она вам устроит, придя к власти»; «молите Бога, чтобы я подольше оставалась на своем рабочем королевском месте»).

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ДЕЛА: ПРОВОКАЦИИ, АМБИЦИИ, НАЖИВА, БАНКРОТСТВО

Отличавшиеся друг от друга по темпераменту и по той роли, которую играли в жизни своей королевы трудоголик и осторожный бюрократ Уильям Сесил, с одной стороны, и претендующий на военные таланты блистательный покоритель женских сердец Роберт Дадли, с другой, они были едины в своих протестантских религиозных пристрастиях и в своих представлениях о необходимости защищать Англию от потенциальной католической угрозы – в том числе и с помощью вмешательства во внутренние дела католических монархов. Попеременно иницируя военное и финансовое участие в антиправительственных выступлениях в Шотландии, Франции и Нидерландах, в 1585 г. эти политики с согласия королевы ввергли страну в полномасштабную войну с Испанией, которая завершилась лишь через 19 лет, уже после смерти Елизаветы, и которой сопутствовали вторжения на территорию Франции и усугубление конфликтов в Ирландии.

Войне с Испанией предшествовали десятилетия ярких провокаций со стороны англичан. Начало было положено в 1568 г. конфискацией в пользу короны золота

с испанских кораблей, искавших защиты в английских портах от нападения пиратов. Продолжением были действия уже собственно английских пиратствующих бандитов во главе с Дрейком и Хокинсом, грабивших испанские порты и корабли и щедро делившихся награбленным с королевой и ее высшими сановниками, которые обеспечивали им покровительство и нагло ввали в глаза испанским дипломатам относительно своей полной неосведомленности о происходящем [21]. Эти масштабные проекты сопровождалась и более скромными спецоперациями наподобие похищения в 1570 г. из Антверпена англичанина-эмигранта д-ра Джона Стори (John Storey, 1504–1571), на тот момент подданного Испании, бывшего видного религиозного и политического деятеля времен Генриха VIII и Марии Тюдор; 1 июня 1571 г. Джон Стори был казнен в лондонском районе Тайберн.

Филипп Испанский в течение долгого времени проявлял завидную выдержку и ограничивался дипломатическими мерами, что свидетельствовало о его явном нежелании вступать в конфликт с Англией и развеивало миф о католической угрозе, порожденный нечистой совестью и параноидным сознанием Елизаветы и ее ближайшего окружения. Однако мероприятия в духе профинансированной Елизаветой и Дадли экспедиции Дрейка 1585–1586 гг., в ходе которой были разграблены и сожжены Картагена и Санто Доминго [1: 514–515], испанские порты в Новом Свете, истощили терпение Филиппа II, и он начал готовить вторжение. Англичане тем временем под руководством Дадли ввели войска в Нидерланды – якобы для помощи местным протестантам, что только подстегнуло Филиппа II к созданию знаменитой Армады.

Англичане не снискали ни финансовой выгоды, ни военной славы в Нидерландах, так как в распоряжении Филиппа II были опытные военачальники, с которыми не удалось справиться ни Дадли в 1586 г., ни его преемникам впоследствии. Елизавета сумела облегчить себе финансовое бремя, переложив значительную долю военных расходов на самого Дадли, что в итоге привело его к разорению; оставшуюся часть пришлось компенсировать английским налогоплательщикам. Несмотря на явный провал этих инициатив, протестантская элита страны обеспечила себе с их помощью солидные дивиденды. Помимо единичных пропагандистских достижений (из имевшегося малопригодного материала выбирались и превращались в национальных героев действительно яркие личности типа Филиппа Сидни, племянника Дадли, участвовавшего в войне в Нидерландах и умершего от ран в 1586 г.) правительство получило возможность увеличить прибыль от штрафов и конфискации имущества своих сограждан, используя противостояние с католической Испанией как предлог для усиления борьбы с католиками внутри самой Англии. Как всегда, озабоченная идеей личного выживания, Елизавета не стала вдаваться в рассуждения о причинах и следствиях и одобрила меры правительства по дальнейшему ущемлению прав католиков, тем самым попадая в еще большую зависимость от своих собственных протестантских министров и спецслужб.

«ПОСЛЕ НАС – ХОТЬ ПОТОП»

КАК ОСНОВНОЙ ПРИНЦИП СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ ЕЛИЗАВЕТЫ

Продолжение войн истощало страну, нарушало торговые связи, вело к уничтожению трудоспособной части мужского населения. Елизавета не утруждала себя заботой ни о семьях, потерявших кормильцев, ни о солдатах, вернувшихся с войны инвалидами. В результате увеличилось число нищих и бродяг, против которых принимались соответствующие законодательные акты. Дикий кальвинистский по

содержанию закон 1547 г. [22: 107] (первого года правления Эдуарда VI), приговаривавший бродяг к двухлетнему рабству, достаточно рано (в 1572 г.) получил еще более дикий аналог в елизаветинском законодательстве, согласно которому трижды уличенные в бродяжничестве могли быть приговорены к смертной казни [23: 202]. Хотя сама Елизавета не была замечена в увлечении кальвинизмом и в течение своего правления последовательно боролась с пуританами как с представителями этого течения в протестантстве, в отношении неимущих слоев населения ее политика была подлинно кальвинистской. Протестантство в духе Мартина Лютера отрицательно относилось к идее спасения души через добрые дела и говорило о вере как о единственном пути к спасению; Господь в неизреченной милости своей готов простить некоторым своим чадам неискупимый первородный грех и все прочие менее значимые грехи и сам выбирает достойных спасения [24: 55–64]. Жан Кальвин довел эту мысль до логического завершения через доктрину «двойного предопределения»: некоторая часть человечества, согласно Божественному плану, изначально предназначена для спасения, другая часть изначально проклята [25: 80–90].

Мрачное продолжение полемики времен раннего христианства между Блаженным Августином и Пелагием [26: 106–112] обеспечило в XVI в. усилиями в первую очередь Кальвина идеологическую базу для оправдания патрицианского мироощущения представителей разного рода элит, противопоставлявших себя более низким слоям общества. При переводе из абстрактно-теологической в конкретно-социальную плоскость «двойное предопределение» означало, что в числе прочего материальное преуспеяние указывает на «избранность» преуспевающего, а бедность свидетельствует о принадлежности бедняка к «проклятым». Попытки изменить ситуацию с помощью уменьшения доходов имущих, повышения заработной платы малоимущим и облегчения жизни бедных будут идти вразрез с Божественным планом.

В этом отношении английская королева в душе была солидарна с женеvским проповедником (на словах англиканская церковь, верховным куратором которой была как раз Елизавета, не выделяла категорию «проклятых» и оговаривала лишь наличие «избранных», следуя, таким образом, Лютеру, но не Кальвину). Уверенная в своей избранности, она по меньшей мере с безразличием относилась к тем, кто не в последнюю очередь по ее вине влачил нищенское существование. Бедность, судя по всему, она рассматривала как одно из проявлений пресловутого «двойного предопределения», а не как следствие собственной политики или как социальное зло, подлежащее исправлению. На теоретическом уровне в середине 1570-х гг. в елизаветинском законодательстве была выделена категория «достойных» бедных: заботу о «достойных» должны были брать на себя местные администрации через сбор налогов с относительно обеспеченной части населения и через трудоустройство безработных [23: 200–202]. На практике в условиях экономического спада и разорения населения эти законы работали плохо и проблему нищеты не решали, а превращение посевных земель в пастбища для овец (знаменитое огораживание) вело к сокращению рабочих мест, но не к их увеличению. Что касается «недостойных», то меры в отношении них варьировались от смертной казни до высылки из страны или труда в качестве гребцов на королевских галерах.

НЕ ЛУЧШЕ ЛИ НЕ ДОВОДИТЬ ДО ПОТОПА? АЛЬТЕРНАТИВНЫЙ ВЗГЛЯД

Подобная политика не встречала понимания у людей с более традиционной системой ценностей, за что им нередко приходилось расплачиваться – в том числе и собственной жизнью. Так, жертвой борьбы с типичным приватизатором елизаветинских времен сэром Эдуардом Гревиллем (1566–1634), в разные годы занимавшим посты шерифа и судьи графства Уорикшир, дважды избиравшимся членом парламента и желавшим прибрать к рукам общественные земли, станет близкий знакомый Уильяма Шекспира, мэр Стратфорда-на-Эвоне Ричард Куини (Richard Quiney, 1557–1602) [27: 13–17], чей сын Томас впоследствии женится на младшей дочери Уильяма Шекспира Джудит (1585–1662). В 1601 г. вместе с другими жителями Стратфорда Ричард Куини дал отпор попыткам огораживания, предпринятым людьми Гревилля; Куини был арестован и препровожден в лондонскую тюрьму Маршалси, но вскоре выпущен под залог. 3 мая 1602 г. в Стратфорде Ричард Куини был смертельно ранен слугами Гревилля и скончался через несколько недель; расследование в отношении сэра Эдуарда не проводилось. Квалифицированная одним из современных шекспироведов как несчастный случай (с последующей оговоркой, что конфликт с Гревиллем также мог сыграть свою роль [28: 377–378]), смерть Ричарда Куини является яркой иллюстрацией елизаветинской коррупции, когда высокопоставленные люди со связями в Лондоне могли пойти на резонансное заказное убийство, не опасаясь последствий, если речь шла об устранении лиц, противостоявших экономическим инициативам правительства. Добавим еще одну характерную деталь: за 13 лет до рассматриваемых событий Лодовико Гревилль, отец сэра Эдуарда, также оказался вовлеченным в уголовное дело, выступив в качестве соучастника и организатора убийства своего бывшего слуги, который отказался одолжить ему существенную сумму денег [29]. За такую откровенную уголовщину Лодовико Гревилль был казнен в 1589 г., но его сына в 1602 г. в аналогичной ситуации эта участь миновала. Убийство слуги покарало, убийство мэра оставили без внимания, поскольку в практическом смысле сэр Эдуард действовал сугубо в рамках допустимого.

РЕЛИГИОЗНЫЕ ПРЕСЛЕДОВАНИЯ: НАЧАЛО КОНЦА ДЛЯ КАТОЛИКОВ

Итак, ни в династической, ни в военной, ни в социально-экономической сферах правление Елизаветы не предьявляет ощутимых положительных результатов. Отрицательная сторона отчетливо перевешивает, хотя лично для себя королева могла трактовать перечисленные события в положительном ключе. Однако все провалы и преступления Елизаветы и ее сподвижников меркнут на фоне того террора, которому подверглись в первую очередь английские католики в результате преследований, организованных правительством ее величества.

Религиозные преследования времен Елизаветы касались и католиков, и пуритан, но католики к моменту ее восшествия на престол составляли большую часть населения Англии и дискриминационные меры в отношении них были намного актуальнее для протестантского правительства, чем борьба с пуританами. Поскольку именно антикатолическое законодательство и его применение оказались значимыми для семьи Уильяма Шекспира и его ближайшего окружения, в заключительной части настоящей статьи будет освещаться главным образом борьба с католиками, а проблемы, связанные с пуританством, будут описаны менее подробно. Чтобы не перегружать статью ссылками, которые в последующем изложении можно сделать буквально к каждой строке, здесь мы ограничимся списочным перечислением

основных источников, использованных при написании данной части работы в ее констатирующей составляющей [1; 7; 9; 23; 30; 31; 32; 33; 34; 35; 36; 37; 38].

Началось все сразу же после восшествия Елизаветы на престол с принятия парламентом Акта о единстве (Act of Uniformity) и Акта превосходства (Act of Supremacy), объявлявших протестантство единственной государственной религией, а Елизавету – верховным авторитетом в светских и духовных делах. Англичане (на тот момент еще не в общенациональном масштабе, но на уровне высокопоставленных лиц и университетских преподавателей) должны были принести соответствующую клятву (Oath of Supremacy), в противном случае они подвергались изоляции в общественной жизни. Образование – в первую очередь университетское – должно было даваться в последовательно протестантском ключе, и эта политика почти сразу же нашла широкий отклик в Кембридже, тогда как оксфордские профессора в течение долгого времени оказывали по крайней мере неявное сопротивление. Католическое богослужение на территории страны было запрещено, непосещение протестантской церкви каралось серьезными штрафами, лица, укрывающие католических священников, подлежали тюремному заключению, конфискации имущества и казни.

Запрет католическим священникам находиться на территории Англии и совершать католические обряды, центральным из которых было служение мессы, имел глубокий смысл для постепенного искоренения католичества в стране. Необходимость посещать протестантскую церковь и изъятие мессы, равно как и прочих католических обрядов, из повседневной религиозной практики влекли за собой последствия, сравнимые для современных православных с запретом православного богослужения и с необходимостью регулярно присутствовать, например, на собраниях сайентологов. Приобщение Святых Тайн, которое было привычным для англичан в течение приблизительно тысячи лет, может происходить, согласно католической доктрине, только во время мессы и только при непосредственном участии рукоположенного священника. В отсутствие этих условий, по справедливому мнению елизаветинской администрации, католичество в Англии постепенно должно было сойти на нет. Также повсеместно были запрещены молитвы за усопших, уничтожались воссозданные во времена Марии Тюдор статуи Богоматери и святых, покрывались побелкой росписи на стенах внутри храмов.

В первые десятилетия правления Елизаветы эти меры были чрезвычайно эффективны. Лишенные внятного политического и духовного лидерства, многие английские католики переживали кризис сознания, впадали в апатию и готовы были внешне соответствовать требованиям властей, хотя ощущение перехода в сайентологию и предательства истинной веры их не оставляло, так как земное отступничество предвещало им вечные муки в загробной жизни. Восстание северных аристократов в 1569 г. в пользу Марии Стюарт не изменило ситуации, поскольку среди восставших не было единства, их действия не были скоординированы, а лидеры восстания ко всему прочему не отличались высоким интеллектом и военными талантами [39]. Отлучение Елизаветы папой Пием V в 1570 г. спровоцировало правительство на принятие в 1571 Закона об измене (Treasons Act), усугублявшего положение католиков. К середине 1570-х гг. успехи данной дискриминационной политики были очевидны и казались необратимыми.

ПОПЫТКИ ВОЗРОДИТЬ КАТОЛИЧЕСТВО: МИССИОНЕРЫ УИЛЬЯМА АЛЛЕНА

Однако католическое население Англии было слишком велико, чтобы не породить некоторых ярких представителей, готовых бороться за спасение душ своих сограждан. К этим духовным целям добавлялось стремление католиков вернуть себе привычный социальный статус, не подвергая при этом себя опасности в жизни вечной. Католические семьи посылали своих сыновей на континент для получения альтернативного варианта образования в европейских университетах, богатые католики организовывали в своих имениях тайные учебные центры, где образование давалось высококвалифицированными педагогами в соответствии со старыми традициями. Поворотным моментом в истории английского католического сопротивления явилось основание в 1568 г. католической семинарии в Дуэ (на тот момент это была территория Испанских Нидерландов; ныне – территория современной северной Франции), которая в 1578 г. была вынуждена переехать в Реймс и вслед за которой появились английские семинарии в Риме (1579), Вальядолиде (1589), Севилье (1592), Сент-Омере (1593) и Лиссабоне (1628). Изначально планировавшаяся как интеллектуальный центр для английских эмигрантов, переживавших на континенте темные времена, семинария в Дуэ в итоге стала готовить католических священников, готовых вернуться в родную страну и действовать там на нелегальных условиях, поддерживая веру местных католиков через совершение богослужений и через следование прочим традициям старой религии.

Инициатор открытия семинарии в Дуэ Уильям Аллен (1532–1594) – в прошлом сотрудник Оксфордского университета, в будущем кардинал Римско-католической церкви – осознанно отделял политику от религии и ориентировал образовательные программы семинарии исключительно на духовные идеологические аспекты, дабы избежать обвинений в антиправительственной деятельности. Как минимум в последнее десятилетие своей жизни Уильям Аллен в конечном итоге все равно пришел к политике, но до этого ему предстояло проделать долгий путь энтузиаста и идеалиста, постепенно осознающего, что неидеальный мир приходится исправлять неидеальными способами. С 1574 г. и далее подготовленные под общим руководством Аллена священники начали прибывать в Англию. После нескольких лет жизни в эмиграции они имели весьма смутное представление о том, что ожидало их на родине, где функционирование спецслужб делалось все более эффективным и где антикатолическое законодательство непрерывно совершенствовалось, с 1571 г. отождествляя с государственной изменой хранение и распространение как папской буллы об отлучении Елизаветы (*Regnans in Excelsis*), так и значительно более невинных символов католичества (четки, кресты и т. п.). В результате в 1577 г. семинария Дуэ получила своего первого мученика. Им стал священник Катберт Мейн (*Cuthbert Maune*, 1543–1577; канонизирован в 1970 г. папой Павлом VI), казненный 29 ноября 1577 г. в соответствии с законодательством 1571 г. Приютивший Мейна корнуэльский католик Фрэнсис Триджен-старший (*Francis Tregian the Elder*, 1548–1608) ближайшие 27 лет провел в тюремном заключении и был освобожден уже после смерти Елизаветы по приказу короля Иакова. Через 2 месяца после казни Катберта Мейна в начале февраля 1578 г. были казнены еще два выпускника семинарии в Дуэ: Джон Нельсон и Томас Шервуд.

КАТОЛИЧЕСКОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ ПРОДОЛЖАЕТСЯ: ИЕЗУИТСКИЕ МИССИИ

Казни и тюремное заключение в перспективе ожидали и других воспитанников Аллена, а их успехи, несмотря на относительно большое число участников этой деятельности (в период с 1574 по 1580 г. в Англию прибыло 113 священников [34: 111]), в общенациональном масштабе были достаточно скромными и локальными. И в конце 1570-х будущий кардинал принял судьбоносное решение, обратившись к тогдашнему главе ордена иезуитов Эверарду Меркуриану (1514–1580) с просьбой послать в Англию членов его ордена. В Английском Колледже в Риме к этому моменту прошло подготовку значительное количество иезуитов – этнических англичан, и затем они направлялись на работу в иезуитские миссии буквально по всему земному шару, но только не в Англию. Меркуриан старался по возможности беречь свои кадры, пока не столкнулся с желанием Аллена поберечь свои. По качеству подготовки, по способности выносить тяготы, лишения, преследования и одиночество, по знанию реалий елизаветинской Англии иезуиты значительно превосходили воспитанников Аллена. Несмотря на свое первоначальное сопротивление этому проекту, Меркуриан, понимавший, что миссионерская деятельность в Англии в конечном итоге была чревата гибелью его подчиненных, был вынужден подчиниться внутрицерковной дисциплине по прямому указанию папы Григория XIII. В июне 1580 г. первая миссия во главе с Робертом Парсонсом (Robert Parsons или Persons, 1546–1610) прибыла в Англию, после чего иезуиты практически без перерыва активно действовали на территории Англии до самого конца правления Елизаветы и в первые годы правления Иакова.

История английских иезуитских миссий – отдельная обширная тема, требующая специального подробного обсуждения. Об их уникальной роли в борьбе с протестантским режимом говорит уже один тот факт, что иезуиты занимают почетное первое место в названии парламентского акта (An Act Against Jesuits, Seminary Priests and Other Such Like Disobedient Persons, 1585), согласно которому нахождение на территории Англии католических священников, рукоположенных после 1559 г., приравнивалось к государственной измене и каралось смертной казнью. И хотя выпускники семинарий в чисто количественном отношении значительно опережали иезуитов, воздействие последних на умы современников и, следовательно, их опасность для режима многократно превосходили эффект от деятельности воспитанников Уильяма Аллена.

В течение нескольких десятилетий иезуиты способствовали поддержанию веры английских католиков с помощью совершения регулярных богослужений и через публикацию блестящих полемических трактатов, таким образом отстаивая право на внутреннюю духовную свободу, отнятое у англичан их правительством. Действовавшие в Англии иезуиты не принимали участия в заговорах против королевы и не подстрекали ее подданных к восстанию, хотя протестантская пропаганда регулярно обвиняла их в обратном. В 1580 г. у правительства Елизаветы было для этого достаточно оснований, поскольку в августе этого года Филипп Испанский после долгих раздумий и долгих провокаций со стороны англичан согласился послать в Ирландию экспедиционный корпус солдат своей регулярной армии (550 человек [34: 124]), что по времени практически совпало с появлением первых иезуитов на территории самой Англии. Однако во время судебного процесса над членом первой миссии Эдмундом Кэмпнионом (Edmund Campion, 1540–1581) и его соратниками представителям власти удалось доказать лишь их

причастность к миссионерской деятельности, но не к заговору против королевы, что изначально было основной задачей обвинения, желавшего перевести дебаты в политическую плоскость и скрыть факт преследования сограждан за их религиозные убеждения. Нелепость и злонамеренность обвинений в заговоре, якобы зародившемся в Риме и в Реймсе в ходе собраний всей группы подсудимых, стали особенно очевидными, когда обвиняемым удалось доказать, что многие из них впервые встретились на самом судебном процессе и что в обозначенные месяцы 1580 г. их не было ни в Риме, ни в Реймсе. В ходе расследования Кэмптон был подвергнут пыткам (официально запрещенным в Англии, но широко применявшимся по личному указанию королевы), а затем казнен согласно традиционной процедуре: он был повешен, срезан с веревки до того, как он успел задохнуться, выпотрошен и четвертован (hanged, drawn and quartered). Ту же судьбу разделили его товарищи и единоверцы 1 декабря 1581 г. и в мае 1582 г.

МАСШТАБ ПРЕСЛЕДОВАНИЙ КАТОЛИКОВ: ‘PRIEST-HOLES’

Преследования инакомыслящих в Англии в последние два десятилетия правления Елизаветы вышли на новый уровень. Отказ многих англичан следовать официальным доктринам привел к усилению репрессий, которые помимо устранения несогласных приносили ощутимую пользу государственной казне и способствовали личному обогащению подручных Елизаветы благодаря перераспределению собственности через штрафы и конфискацию земель у католиков.

Представление о масштабе репрессий можно получить на основе следующего примера: в домах елизаветинской и доелизаветинской постройки в Англии существовали сотни так называемых “priest-holes”, «укрытий для священников», которые до сих пор могут увидеть экскурсанты при посещении соответствующих объектов архитектуры. Эти укрытия в ряде случаев было чрезвычайно сложно обнаружить, поскольку особенности кладки и другие возможности организации тайного пространства весьма творчески использовались строителями; самый видный среди них – Николас Оуэн, (Nicholas Owen, 1562–1606), погибший мученической смертью и канонизированный Римско-католической церковью в 1970 г. Наиболее полный перечень таких домов был опубликован Майклом Ходжеттсом в 1982, 1998 и 2005 гг. и насчитывает 400 единиц [40; 41; 42]. Это непреложный и имеющий материальное воплощение исторический факт, который по каким-то причинам кажется неудобным или не заслуживающим обсуждения определенным представителям академических кругов: опубликованная в 2009 г. Йельским университетом фундаментальная работа по елизаветинской архитектуре [43] (прекрасно иллюстрированная и превышающая по объему 500 страниц) вообще не содержит упоминаний “priest-holes”.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ВЛАСТЬ И ПУРИТАНЕ

Справедливости ради следует отметить, что католики не были единственными, кто подвергался преследованиям за религиозные взгляды в елизаветинской Англии. Пуритане также подвергались тюремному заключению (например, Джон Филд и Томас Уилкокс сроком на 1 год в 1572 г., Томас Картрайт и еще 8 религиозных деятелей в течение 18 месяцев и 1589–1591 гг.) и даже казни (например, Уильям Хэкет, в июле 1591 г. провозгласивший себя Мессией и казненный через 12 дней после этого). Однако в целом правительство Елизаветы и парламент были до такой степени заняты преследованием католиков, что опасность, исходящая

от пуритан и пресвитерианцев, на государственном уровне была замечена лишь в последнее десятилетие правления королевы. До этого с ними вынуждены были иметь дело высшие чины англиканской церкви (архиепископы Матью Паркер, Джон Уитгифт и другие), обладавшие значительно меньшими полномочиями по сравнению с Сесилами, Дадли и представителями спецслужб.

Привилегированное положение пуритан объяснялось тем, что для партии власти они были «своими». В отличие от католиков, пуритане никогда не оказывались вне закона. На момент восшествия Елизаветы на престол они были полноправными членами англиканской церкви и имели все возможности для продвижения своих идей и в качестве проповедников, и на постах преподавателей в университетах, и в обеих палатах парламента, и через вполне официальную и легальную публикацию своих трудов. Могущественные покровители (те же Сесилы, Дадли и другие члены государственной элиты) составляли пуританам протекцию при получении хорошо оплачиваемых должностей, нанимали их к себе на службу в качестве секретарей, домашних священников и т. п., при необходимости способствовали прекращению судебных расследований против этих представителей крайних течений в протестантстве. Пуритане без страха шли на конфликт с лидерами официальной церкви, представлявшими интересы королевы, тем более что в лице архиепископа Кентерберийского Эдмунда Гриндаля (занимавшего эту кафедру с 1575 по 1583 г.) они получили поддержку от высшего церковного иерарха, который отказался следовать прямым рекомендациям Елизаветы относительно подавления особенно активных пуританских пропагандистов и за это был отстранен от исполнения своих обязанностей, но не смещен с должности.

ИНОСТРАННЫЕ КОЛЛЕГИ ПУРИТАН: ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В АНГЛИИ И НА КОНТИНЕНТЕ

Католических священников среди прочего обвиняли в том, что на территории Англии они действовали в качестве агентов других государств и правителей (в первую очередь Испании и римских пап). Пуритане не представляли напрямую ничьих интересов, кроме национальных, но они активно советовались по вопросам доктрины с зарубежными специалистами типа кальвиниста-долгожителя Теодора Безы (1519–1605), который вслед за Кальвином высказывал мысли не только о необходимости упразднения института епископов, но и о введении контроля со стороны церкви над светской властью или ее подмены, чему в европейской истории тех лет уже существовали прецеденты (например, эксперимент по управлению Женевой священнослужителями был успешно осуществлен Кальвином в 1540–1560-е гг.). Выступать в роли консультантов для иностранных пуритан в то время было не в новинку, поскольку в живой памяти сохранялись эпизоды, когда в правление Эдуарда VI ведущие теологические кафедры в Оксфорде и Кембридже контролировали выписанные из Швейцарии и Германии профессора Петер Мартир Вермильи (Peter Martyr Vermigli, 1499–1562, Оксфорд) и Мартин Буцер (Martin Bucer, 1491–1551, Кембридж). Работа Буцера была более эффективна, поскольку склонность Вермильи к позерству плохо сочеталась с принятой им на себя ролью воспитателя идеальных христиан; оксфордцы издевались над ним, устраивали потасовки, забрасывали профессора камнями, – одним словом, вели себя несолидно. Но, с другой стороны, как еще можно относиться к человеку, который в 19 лет берет себе второе имя «Мученик» (в честь инквизитора-доминиканца Св. Петра Веронского, убитого катарями в 1252 г. и канонизированного

в рекордно короткий, одиннадцатимесячный срок)? И потом спокойно себе живет и умирает спокойной смертью? Возможно, оксфордские студенты руководствовались элементарной логикой: если уж мученичество заявлено буквально на уровне паспортных данных, то почему бы не поспособствовать продвижению носителя имени в заявленном направлении. Славы теолога и блистательного учителя в Оксфорде Вермильи себе не снискал, но какие-то популярные кальвинистские идеи его трудами закрепились даже там (кембриджская миссия Буцера прошла весьма удачно). Елизавета прекрасно понимала, какую логическую цепочку выстраивали особо рьяные пуритане, наслушавшись кальвинистских проповедей и начитавшись соответствующей литературы (жизнь без епископов, жизнь без королевы, жизнь без дворянства). К 1593 г. с помощью своих сторонников она наконец сумела донести эту мысль до членов парламента, состоявшего в значительной своей части как раз из представителей провинциального дворянства, которое ранее активно поддерживало пуритан. В 1593 г. был принят парламентский акт, положивший конец вольготному существованию пуритан, после чего верные королеве умеренные протестантские полемисты своими публикациями довершили идеологическое подавление опасных вольнодумных взглядов.

МРАЧНЫЕ ЛИЧНОСТИ В РЯДАХ ПУРИТАН И УИЛЬЯМ ШЕКСПИР ИЗ СТРАТФОРДА

Среди наиболее одиозных личностей, игравших видную роль в общественной жизни страны и разделявших идеи пуританства, в контексте настоящей статьи следует упомянуть трех членов английского парламента, чья жизнь и деятельность в определенной степени были связаны с жизнью Уильяма Шекспира. Речь идет о Томасе Нортоне (Thomas Norton, 1532–1584), Ричарде Топклиффе (Richard Topcliffe, 1531–1604) и Томасе Льюси (Thomas Lucy, 1532–1600). Томас Нортон может считаться основоположником елизаветинской драматургии: в 1560 г. совместно с Томасом Сэквиллом (1536–1608) он написал трагедию «Горбодук», представленную при королевском дворе в январе 1561 г. и оказавшую определенное влияние на последующее поколение драматургов; однако основным занятием Нортон была не драматургия, а фанатичное преследование католиков, которых в последние годы жизни он лично пытал в Тауэре. Садистские увлечения Нортон разделял второй из названных здесь членов парламента, Ричард Топклифф, неустанно преследовавший католиков в течение нескольких десятилетий и руководивший их пытками в Тауэре, в тюрьме Брайдвелл в собственном доме в Вестминстере; именно он организовал арест и подверг пыткам представителя второй иезуитской миссии и талантливейшего поэта Роберта Саутвелла (St Robert Southwell, 1561–1595), который еще в начале 1590-х гг. оценил поэтический гений Шекспира и призывал последнего использовать свой дар во славу и в защиту католического сопротивления. Томас Льюси не отмечен участием в пытках, но он отвечал за расследование связей члена первой иезуитской миссии Эдмунда Кэмпiona со Стратфордом и осуществлял обыск дома Арденов после ареста Сомервилля и его тестя; согласно традиции, восходящей к XVII в., именно из-за конфликта с Льюси и боязни преследований с его стороны Уильям Шекспир был вынужден покинуть Стратфорд в середине 1580-х гг. Разумеется, Нортон, Топклифф и Льюси не следует отождествлять с представителями пуританства в целом, но на их примере становится очевидным, что по социальному статусу католики и пуритане радикально отличались друг от друга в течение практически всего правле-

ния Елизаветы и что уровень неприятия и агрессии со стороны государственного аппарата по отношению к первым и к последним оказывается несопоставимым.

Достигнутое к концу правления королевы подобие религиозного единения в стране было в значительной мере мнимым, обретено оно было с помощью кровавых методов и лишь отдалило полномасштабную гражданскую войну, которая охватила Англию через несколько десятилетий после смерти королевы. Жизнь протестантов в елизаветинской Англии не была безоблачной, поскольку на них, как и на все остальное население, в полной мере распространялись последствия специфической внешней и внутренней политики правительства, приводившей к обнищанию страны и к гибели многих ее граждан в результате военных действий на территории других государств. Существование католиков усугублялось их отстранением от участия в управлении страной, вытеснением из образовательной сферы и использованием уже упомянутых выше вариантов поражения в правах.

УИЛЬЯМ ШЕКСПИР В ЕЛИЗАВЕТИНСКОЙ АНГЛИИ: ОБЩЕИЗВЕСТНОЕ, МАЛОИЗВЕСТНОЕ И ПОЧТИ НЕИЗВЕСТНОЕ

Искажение реальной картины жизни в елизаветинской Англии многими поколениями историков приводит, среди прочего, к ложным интерпретациям фактов жизни и творчества Уильяма Шекспира. Вовлеченность шекспировской актерской труппы, например, в общий контекст заговора Эссекса хорошо известна и подробно описана, но помимо придворных интриг и заговоров существовали значительно более серьезные и глобальные конфликты, которые напрямую касались Шекспира и его современников. Центральный – религиозный – конфликт эпохи находил отражение в драматургических текстах Шекспира, предназначенных для широкой публики елизаветинских театров, которые помимо эстетических функций выполняли роль нынешнего телевидения и других средств массовой информации, оперативно отзываясь на злободневные события. Перевод этих текстов в чисто вневременной, надысторический план превращает их как минимум в загадочные («Гамлет»), а в ряде случаев и просто в маловразумительные («Тит Андроник»), что делает невозможной их адекватную интерпретацию. То же самое относится и к поэзии Шекспира, его стихотворению «Феникс и Голубь» (“Let the bird of loudest lay”, 1601) и его лирическим поэмам (“Venus and Adonis”, 1593; “Rape of Lucrece”, 1594), посвященным графу Саутгемпτονу.

Как и многие его сограждане и современники, Шекспир, скорее всего, не интересовался тонкостями идеологических дебатов между католическими и протестантскими теологами наподобие полемики по поводу так называемой «трансубстанции» («Пресуществления») во время Таинства Евхаристии, хотя практическое применение протестантских тезисов типа «двойного предопределения», судя по содержанию текстов Шекспира, не могло не вызвать у него неприятия и возмущения (Шейлок в «Венецианском купце» почти до конца пьесы последовательно и убедительно противостоит самодовольным христианам, готовым пользоваться плодами его трудов, но презиравшим его за его «инакость»). Однако помимо труднодоказуемых или вообще недоказуемых тезисов о взглядах Шекспира на проблемы доктрины существуют неопровержимые свидетельства его социальных связей с католическим подпольем, начало которым было положено его рождением в семье католика-нонконформиста Джона Шекспира и Мэри Арден (о трагической судьбе ее родственников Джона Сомервилля и Эдварда Ардена было сказано выше), которые продолжались в течение его жизни как минимум

через общение с известной своими католическими пристрастиями семьей графа Саутгемптона и которые не прерывались до смерти самого поэта и драматурга. Ярчайшее свидетельство устойчивости этих связей – покупка Шекспиром уже в правление Иакова, в 1613 г., дома в лондонском районе Блэкфрайарс (Gatehouse in Blackfriars) и последующая сдача указанного дома внаем члену католического подполья Джону Робинсону, чьи права как арендатора специально подтверждены в завещании Шекспира и который выступил в роли одного из свидетелей при оформлении завещания в 1616 г., буквально за несколько недель до смерти великого поэта и драматурга. История покупки этого дома сбивала с толку поколения шекспироведов, потому что никакой видимой выгоды Шекспиру – в прочих отношениях весьма аккуратному бизнесмену и инвестору – данная инвестиция не несла, и потому в шекспироведении этот сюжет обычно обходился молчанием или же упоминался коротко и с недоумением [44: 277; 45: 379; и мн. др.]. На самом деле вся ситуация с домом в Блэкфрайарс свидетельствует о католических симпатиях Шекспира, потому что и до, и после 1613 г. этот дом служил в качестве тайного укрытия для католических священников и для проведения месс, и Шекспир готов был рискнуть своей репутацией, выступая в качестве официального владельца дома, чтобы через свои связи или просто своим respectable именем отвести от него внимание властей. Все встает на свои места, если провести определенные исторические аналогии и вспомнить, в какую эпоху жил Шекспир и что представляла собой Англия тех времен.

СМЕРТЬ ЕЛИЗАВЕТЫ, ВОЦАРЕНИЕ ИАКОВА: НЕДОЛГИЕ ПЕРЕМЕНЫ К ЛУЧШЕМУ

Королева Елизавета умерла на 70-м году жизни 24 марта 1603 г. Последние недели перед смертью она провела, сидя на подушках на полу в своих покоях, глядя бессмысленным взором в пространство, слабо реагируя на происходящее, но при этом упорно отказываясь лечь в постель. Уильям Шекспир, судя по адресованному ему упреку современника, воздержался от написания стихов, оплакивающих смерть монархини [46: 212–213]. Англия ждала прибытия и коронации Иакова VI Шотландского, который продвигался в сторону Лондона нарочито неторопливо, с тем чтобы приехать туда уже после похорон Елизаветы. Новому монарху предстояло разобраться с религиозными преследованиями, с финансовыми проблемами разоренной государственной казны, с наследием в виде до сих пор продолжающейся войны с Испанией и что-то сделать для борьбы с нищетой. При этом опираться он мог в первую очередь на тех людей, кто привел его власти, на клан Сесилов и им подобных, – на людей, непосредственно ответственных за то плачевное состояние, в котором оказалась страна. Для осуществления радикальных изменений новому королю следовало подумать о кадровых перестановках или даже о полной смене администрации – шаг, который был абсолютно неприемлемым для правящей элиты и которому в случае необходимости она была готова всеми силами противодействовать.

Уильям Шекспир будет иметь возможность наблюдать за происходящим, находясь в привилегированном положении придворного драматурга и актера королевской труппы: 19 мая 1603 г., менее чем через два месяца после смерти Елизаветы, новый король выдаст лицензию бывшим членам труппы Лорда Камергера, согласно которой они становились членами его собственной театральной труппы. В этой лицензии актеры перечислены поименно, и среди 9 названных акте-

ров Уильям Шекспир стоит на втором месте [44: 72] (к сведению сторонников альтернативных теорий авторства шекспировских текстов, утверждающих, что Шекспир-актер из Стратфорда и Шекспир-драматург – это два разных человека и что фамилия актера при жизни никогда не писалась как “Shakespeare”, из-за чего его следует именовать, например, «Шакспером», отметим, что в королевской лицензии его фамилия в списке актеров приводится в традиционном и всем привычном виде – “Shakespeare” [47]). Хотя Иакову было трудно концентрироваться на чем-либо дольше нескольких минут, после чего он отвлекался, а затем вновь обращался к теме беседы, для Шекспира он мог стать идеальным покровителем и собеседником или, по крайней мере, важнейшим членом целевой аудитории шекспировской драматургии. Сам талантливый писатель, еще до приезда в Англию опубликовавший несколько литературных текстов (как дидактических, так и художественных), Иаков обладал достаточным вкусом и чутьем, для того чтобы оценить уровень творчества на тот момент уже очень знаменитого писателя. Что, надо сказать, он и сделал впоследствии.

Золотые дни, казалось бы, наступали не только для шекспировской труппы. Еще раньше, 10 апреля 1603 г., многолетний покровитель Шекспира граф Саутгемптон, один из лидеров католической оппозиции, заключенный в Тауэр за участие в восстании Эссекса, будет освобожден из-под стражи, а 16 мая Иаков дарует ему полное прощение за содеянное и обеспечит ему видное положение при дворе [48: 134–135]. Англичане с восторгом встречали нового монарха, рассчитывая на наступление периода мира и благоденствия. Особенно радовались католики и иезуиты как передовой отряд контрреформации, чья политика выживания и примирения наконец-то должна была принести свои плоды. Английские католики верили, что их новый король, сын королевы-мученицы Марии Стюарт, периодически еще в ходе пребывания в Шотландии бросавший намеки на свое скорое обращение в католичество, и их новая королева Анна Датская, по поводу религиозных католических пристрастий которой фактически не было сомнений, сумеют найти радикальный способ изменить ситуацию в стране, опираясь на своих верноподданных католиков. И тем страшнее было разочарование, которое им предстояло пережить в первые же годы правления короля Иакова.

Сказанное в настоящей статье имело своей целью развеять миф о процветании Англии в период правления Елизаветы I и обозначить те реальные трудноразрешимые или вообще неразрешимые проблемы, с которыми сталкивались современники Шекспира в годы царствования Елизаветы и которые нашли отражение в биографии и в творчестве великого поэта и драматурга. Более подробное обсуждение данного вопроса будет предложено в последующих публикациях автора настоящей работы.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

[1] Meyers G.J. (2011) *The Tudors: The Complete Story of England's Most Notorious Dynasty*. New York: Bentam Books Trade Paperbacks. 623 p.

[2] Jardine Lisa. (2005) *The Awful End of Prince William the Silent: The First Assassination of a Head of State with a Handgun*. HarperCollins Publishers. 175 p.

[3] Carroll Stuart. (2009) *Martyrs and Murderers: The Guise Family and the Making for Europe*. Oxford University Press. 368 p.

[4] Graham Roderick. (2008) *An Accidental Tragedy: The Life of Mary, Queen of Scots*. Edinburgh. Birlinn. 476 p.

- [5] Alford Stephen. (2012) *The Watchers: A Secret History of the Reign of Elizabeth I*. London: Allen Lane. xvii + 398 p.
- [6] Wilson Derek. (2007) *Sir Francis Walsingham: A Courtier in an Age of Terror*. London: Constable. 288 p.
- [7] Wilson Richard. (2004) *Secret Shakespeare: Studies in Theatre, Religion and Resistance*. Manchester University Press. 326 p.
- [8] Budiansky Stephen. (2005) *Her Majesty's Spymaster: Elizabeth I, Sir Francis Walsingham, and the Birth of Modern Espionage*. The Penguin Group, Viking. 272 p.
- [9] Hogge Alice. (2005) *God's Secret Agents*. Harper Perennial. 400 p.
- [10] Green Dominic. (2003) *The Double Life of Doctor Lopez*. Arrow Books. 402 p.
- [11] Honan Park. (2005) *Christopher Marlowe: Poet and Spy*. Oxford University Press. xv + 424 p.
- [12] Doran Susan. (2015) *Elizabeth I and Her Circle*. Oxford University Press. 397 p.
- [13] Seward Desmond. (2010) *The Last White Rose: Dynasty, Rebellion and Treason. The Secret Wars Against the Tudors*. London: Constable. 432 p.
- [14] Fraser Antonia. (2002) *The Six Wives of Henry VIII*. London: Phoenix Press. [xii] + 480 p.
- [15] Weir Alison. (2015) *The Lost Tudor Princess: A Life of Margaret Douglas, Countess of Lennox*. London: Jonathan Cape. 576 p.
- [16] Lisle Leanda, de. (2008) *The Sisters Who Would Be Queen: The Tragedy of Mary, Katherine and Lady Jane Grey*. London: Harper Press. xxx, 350 p.
- [17] Gristwood Sarah. (2007) *Elizabeth and Leicester*. Bantam Press. 407 p.
- [18] Licence Amy. (2016) *Catherine of Aragon: At Intimate Life of Henry VIII's True Wife*. Amberley. 560 p.
- [19] Williams Patrick. (2013) *Katharine of Aragon: The Tragic Story of Henry VIII's First Unfortunate Wife*. Amberley. 480 p.
- [20] Haynes Alan. (2009) *The Elizabethan Secret Services*. The History Press. 224 p.
- [21] Ronald Susan. (2007) *The Pirate Queen: Elizabeth I, Her Private Adventurers, and the Dawn of Empire*. Sutton Publishing. 496 p.
- [22] Loach Jennifer. (1999) *Edward VI*. Yale University Press. xviii, 210 p.
- [23] Williams Penry. (1979) *The Tudor Regime*. Oxford, Clarendon Press. 486 p.
- [24] Mullet Michael A. (2004) *Martin Luther*. Routledge, Taylor & Francis Group. 308 p.
- [25] Hart D.G. (2013) *Calvinism: A History*. Yale University Press. 352 p.
- [26] MacCulloch Diarmaid. (2004) *Reformation: Europe's House Divided, 1490–1700*. Penguin Books. 864 p.
- [27] Pogue Kate Emery. (2006) *Shakespeare's Friends*. Praeger. xvii, 183 p.
- [28] Weis Rene. *Shakespeare Unbound: Decoding a Hidden Life*. New York: Henry Holt and Company, 2007. 479 p.
- [29] www.historyofparliamentonline.org/volume/1604-1629/member/greville-sir-edward-1566-1634
- [30] Asquith Clare. (2005) *Shadowplay: The Hidden Beliefs and Coded Politics of William Shakespeare*. New York: PublicAffairs. xvii, 348 p.
- [31] Chambrun Clara Longworth, de. (1957) *Shakespeare: A Portrait Restored*. New York: P.J. Kennedy & Sons. ix, 406 p.

- [32] Childs Jessie. (2014) *God's Traitors: Terror and Faith in Elizabethan England*. London: The Bodley Head. xx, 443 p.
- [33] Kilroy Gerard. (2005) *Edmund Campion: Memory and Transcription*. Ashgate. 261 p.
- [34] McGrath Patrick. (1967) *Papists and Puritans Under Elizabeth I*. London: Blandford Press. x, 434 p.
- [35] Sams Eric. (1995) *The Real Shakespeare: Retrieving the Early Years, 1564–1594*. Yale University Press. xvi, 256 p.
- [36] Simpson Richard. (2010) *Edmund Campion*. Gracewing. 688 p.
- [37] Waugh Evelyn. *Edmund Campion: Jesuit and Martyr*. Penguin Classics, 2011. 256 p.
- [38] Wright Jonathan. (2004) *The Jesuits: Missions, Myths and Histories*. HarperCollins Publishers. 352 p.
- [39] Kesselring K.J. (2010) *The Northern Rebellion of 1569: Faith, Politics and Protest in Elizabethan England*. Palgrave Macmillan. 248 p.
- [40] Hodgetts Michael. A Topographical Index of Hiding Places. In: *British Catholic History*. Vol. 16. Issue 2. October 1982, pp. 146–216.
- [41] Hodgetts Michael. A Topographical Index of Hiding Places, II. In: *British Catholic History*. Vol. 24, Issue 1. May 1998, pp. 1–54.
- [42] Hodgetts Michael. A Topographical Index of Hiding Places, III. In: *British Catholic History*. Vol. 27. Issue 4. October 2005, pp. 473–520.
- [43] Girouard Mark. (2009) *Elizabethan Architecture*. Yale University Press. 400 p.
- [44] Fogg Nicholas. (2012) *Hidden Shakespeare: A Biography*. Amberley. 320 p.
- [45] Greenblatt Stephen. (2005) *Will in the World: How Shakespeare Became Shakespeare*. Pimlico. 432 p.
- [46] Chambers E.K. (1930) *William Shakespeare: A Study of Facts and Problems*. Vol. II. Oxford University Press. 214 p.
- [47] www.shakespearedocumented.org/file/details/167
- [48] Akrigg G.P.V. (1968) *Shakespeare and the Earl of Southampton*. London: Hamish Hamilton. 223 p.

Сведения об авторе:

Андрей Александрович Липгарт,
доктор филол. наук
профессор
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Andrey A. Lipgart,
Doctor of Philology
Professor
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University

a_lipgart@mail.ru